

— Очевидно, чтобы было сладко, де Веллер, — насмешка на его губах мягкая. Он пригубил медовуху, не сводя с нее глаз. Она нахмурилась, а Драко, сделав глоток, невзначай провел языком по нижней губе. Намекая.

— Добро пожаловать в «Три метлы», славный гость! — Марта подскочила, когда ее плечи обхватили чьи-то руки. Мадам Розмерта наклонилась к ней, приветственно улыбаясь. Сложила губы в мечтательное «ах», увидев блёстки.

— Поздравляю вас, — благодушно сказала она, — сливочного пива?

Марта заскрежетала зубами.

— Не с чем. Мы расстались! — процедила она под новую взорвавшуюся волну смеха Дафны и Блейза.

Мадам Розмерта неловко застыла, оглядывая слизеринцев.

— Тогда, пожалуй, чего покрепче? Медовухи, да? А вам, ребятки?

Блейз все не мог успокоиться, и Дафна легонько пихнула его в плечо, тем не менее тоже улыбаясь.

— Стукни его посильнее, Дафна, — недовольно сказала Марта.

Женщина приняла у них заказы и удалилась, напевая песенку. Напитки принесли практически молниеносно, поэтому Марта тут же уткнулась в свой бокал, исподлобья глядя на Блейза.

— У тебя сейчас пар из ушей пойдёт, — прокомментировал он. Марта состроила ему рожицу.

— Так и куда ты столько набрала? — спросил Блейз, по-хозяйски роясь в ее пакетах, — и хлопушки зачем? Отпраздновать? — он снова зашелся смехом, и Марта шумно вздохнула. Господи, дай сил.

Вдоволь посмеявшись над ней, слизеринцы сменили пластинку. Зашел разговор о квиддиче, и Марта посмотрела на одно пустующее место.

— А где Пэнси? — негромко поинтересовалась она у Дафны, что трубочкой ковыряла пенку своего сливочного пива.

— Она осталась в Хогвартсе, решила не идти, — ответила Дафна.

Марта задумчиво поглядела на парней, что оживленно обсуждали предстоящие отборочные в команду. Драко был твердо убежден, что в этом году замены ловца (его) не будет. Достойных претендентов нет.

Марта видела колдографии команд в «Истории квиддича» и попыталась представить, как на нем смотрится зелёная слизеринская форма.

Но скривилась, когда в виски ударило тупой ноющей болью. Марта незаметно приложила ладонь к виску, растирая его и опуская глаза, якобы рассматривая свой граненный высокий бокал. Давление быстро усиливалось, будто голову сдавливало в тисках; в уши тарабанило от гула пульсирующей крови. Изображение покачнулось, и перед глазами заплясали красные круги. Марта моргнула, прогоняя разноцветных мушек.

Она старалась припомнить, взяла ли с собой сумку или же положила зелье в карман. Осторожно отодвинула стул, задевая коленкой рядом сидящего Малфоя, и наощупь одной рукой потянулась к пальто. Пусто.

Блять.

Малфой мельком глянул на нее.

— А ты что думаешь, де Веллер? — спросил Забини.

Марта моргнула, переводя расфокусированный взгляд на Блейза. Закрыла глаза, придвигаясь обратно к столу. Боже, она все прослушала.

— Что? Повтори.

— Уделаем Гриффиндор в этом году?

Марта сжала обеими руками бокал, чтобы хоть за что-то держатся. Ответила как можно более расслабленно:

— Конечно, я тоже пойду на отборочные.

Малфой хмыкнул.

— Ты на метле хотя бы усидишь?

Нет, Малфой, вряд ли. Сейчас я едва могу усидеть на стуле.

Поэтому она резко выдохнула, поднимаясь и хватаясь руками за столешницу.

— Подышу воздухом, — бросила Марта, ногой отодвигая стул. Стараясь сконцентрироваться на тактильных ощущениях. Опора под ногами. Опора под руками. Контроль.

Медленно, но уверенно передвигая ноги, Марта лавировала между столиками, пальцами касаясь спинок, чтобы ещё раз убедиться — она все контролирует. Нужно только дойти до двери, открыть её и выйти. Дойти. Открыть. Выйти. Все просто. Очень-очень просто.

Шаг. Ещё один. Снаружи свежий воздух. Там станет полегче. А в случае чего она скажет, что выпила лишнего.

Выйдя за порог заведения, Марта привалилась к стене и, опираясь руками, двинулась за угол. Она ощущала пальцами каменную, слегка влажную кладку здания и мысленно концентрировалась именно на этом. Раз. Два. Шаг. Другой. Она проводила ладонью по шершавой поверхности, подносила её ко лбу, обдавая себя холодом. Дышала под счёт. Сейчас пройдёт. Сейчас пройдёт.

Марта зашла за здание, где её никто не мог увидеть, и села прямо на землю. Руками продолжала удерживать себя, пропуская между пальцами травинки и мысленно проговаривая, как мантру: я здесь. Я в порядке. Я смогу. Я справлюсь.

День понемногу клонился к закату и она вперилась взглядом в позолоченное солнце, от которого дугой расходились облака, подсвеченные малиновыми и персиковыми красками. Марта просто сидела и смотрела, забываясь, слушая шум в собственной голове, который постепенно смолкал, наконец, оставляя её одну. Сердце понемногу успокоилось и перестало таранить грудную клетку, дыхание пришло в норму.

В Хогвартс она вернулась продрогшей и насквозь мокрой от налетевшего дождя. Сперва она бежала, проваливаясь сапогами в грязь и лужи, но быстро сдалась. На входе в замок очистила одежду заклинанием, высушила волосы, но не рискнула использовать прямо на себе, зная, что может быть обезвоживание.

Марта понятия не имела, как ей объясниться перед всеми, потому что когда она вернулась в «Три метлы» слизеринский столик был уже пуст, а её вещи забрали. Должно быть, они её искали и подумали, что она просто ушла.

Марта собралась с духом и назвала пароль.

Заходя в гостиную, девушка сразу заметила Малфоя, что повернул голову в ее сторону, и примостившуюся рядом Пэнси. Он нахмурился, окидывая взглядом ее мокрую одежду.

— А вот и пропажа. Мы тебя обыскались, — подал голос Блейз.

— Ты где была? — ошарашенно спросила Дафна, подсакивая с дивана.

Марта отвела глаза в сторону.

— Дай мне минуточку, — и отправилась в сторону спальни девочек.

Дафна проводила ее озадаченным взглядом и сложила руки на груди.

— Хватит носиться с ней, Дафна, — спокойно сказала Пэнси, листая учебник, — она не маленькая.

Марта зашла в комнату, обнаружив на кровати свое сложенное пальто и пакеты со сладостями. Спасибо, Дафна. Вот только что тебе сказать?

Марта открыла комод, вытащила свой сундучок с зельями, плюхая его на кровать. Сперва нужно выпить зелье, потом — думать.

Она не глядя взяла знакомый пузырёк и, пальцем откупорив крышку, проглотила его. Встала, чтобы повесить пальто в шкаф и переодеться. Пока натягивала на себя домашнюю одежду, задумчиво пялилась в зеркало.

Как она могла не взять склянку? Сколько себя помнила, она всегда держала зелья наготове и никогда не забывала о приёме. Могла забыть что угодно в плане изученного материала, но о зельях — никогда. И сегодня была изначально готова к тому, что проведёт в Хогсмиде немало времени.

Марта завязала на талии резинку домашних штанов и ещё раз недоверчиво ощупала карманы пальто. Все-таки пусто.

Она вернулась к кровати, опустившись перед ней на колени и уставившись на склянки. Желудок почему-то мутило, но Марта отгоняла это ощущение. Внимательно осмотрела бутылки по этикеткам. Открыла Умиротворяющий бальзам, повертев пробку в руках.

Что за красная полоска? Марта принюхалась к пузырьку, прекрасно зная, что этот бальзам ничем не пахнет. Но он, к ее удивлению, отдавал странным ароматом. Чем-то лекарственным, горьким, как...

Сердце ускорило бег, и Марта вспотевшими ладонями схватила склянку, выливая содержимое в стакан на тумбочке. Насыщенный красный. Не прозрачный, как должен быть.

Она вытрясла склянки на кровать, дрожащими руками перебирая одну за другой. Красный. Красный. Красный!

Прерывисто дыша от поднявшейся волны жара, Марта поднялась на ноги. Боже, ну здесь и парилка. Она сейчас задохнется.

В груди разгоралось пламя. Хотелось скорее скинуть с себя вещи и выйти прямо так. Голой. Было бы забавно.

Марта одернула себя, проморгалась. Господи, что с ней? Комната расцветала невероятными красками. Хотелось смеяться, петь и сходить с ума. Но желудок болезненно скручивало.

«— Где Пэнси?»

«— Она осталась в Хогвартсе сегодня. Сказала, что не пойдет.»

«— Ты доиграешься, де Веллер.»

Марта в чудовищном осознании схватилась за стойку кровати. Пошатнулась. Нет. Нет. Нет. Что ты наделала, Пэнси?

На ватных ногах Марта побрела к выходу из спальни. Она распахнула дверь, едва не вывалившись на лестницу. Голова кружилась, и она крепко держалась за поручни, ступая босыми ногами.

Я все контролирую. Я чувствую опору руками и ногами.

— Что ты сделала, Пэнси? — ломающимся голосом спросила Марта, пытаясь найти глазами Паркинсон. По позвоночнику скользнула капелька пота.

— О чем ты, де Веллер? — невозмутимо поинтересовалась Пэнси, поднимая глаза.

— Ты в порядке? — озабоченно спросила Дафна, — ты какая-то бледная... — она потянулась к ней, но девушка отбросила её руку, взяв курс прямо на Пэнси.

Черт возьми, ее штормило. Девушка вцепилась в спинку дивана, на котором сидел Блейз, и, кажется, случайно попала ему по голове, выдернув немного волос.

— Эй, эй! Ты как? — заволновался он. Марта ударилась ногой об стол и нависла над Пэнси, удерживаясь одной рукой за подлокотник, что разделял её и Малфоя.

— Просто скажи, что ты сделала, Пэнси, — с трудом дыша, будто пробежала несколько километров.

— Тебе плохо? — не изменяя интонации, поинтересовалась Паркинсон. Марта прищурилась, пытаясь разглядеть её расплывающееся лицо.

Организму очень хотелось избавиться от страданий и содержимого желудка. Марта судорожно выдохнула и вместе с ним:

— Это дурман? Зачем тебе понадобился любисток?

Пэнси молчала. Ноги дрожали, коленки подкашивались.

— Что ты сделала, Пэнс? — раздался напряженный голос Малфоя. Пэнси перевела на него взгляд. Смотрела долго, будто решаясь. А потом негромко сказала:

— Дурман-зелье.

— Твою мать... — выругалась Марта, с трудом выпрямляясь.

Малфой сжал челюсти, пристально глядя на Паркинсон. Видит Мерлин, его заебало со всем этим носиться.

— Но оно должно было сработать не так, — оправдываясь, сказала Пэнси.

— Ты не понимаешь... — Марта приложила ладонь ко лбу, лицо просто чертовски горело. Ее лихорадит. Нужно срочно к Помфри. Или в ванную. Да. Так быстрее.

Но стоило ей сделать шаг, как комната перевернулась с ног на голову. Марта упала, но не ощутила удара.

Такова особенность дурман-зелья. Это своего рода наркотик — будоражащий, возбуждающий, подбивающий психику, притупляющий боль и провоцирующий галлюцинации. Волшебникам с повреждениями разума они строго противопоказаны. Но Пэнси не могла этого знать.

Поднялся крик. Тело стало невесомым, потолок поплыл. Раздавались чьи-то голоса.

Перед глазами мелькнули белесые волосы Малфоя. Похожие на снег. На самый прекрасный белый снег. Должно быть, январский. Рождество уже прошло?

А глаза — море. Глубокое, тёмное, необузданное море. Или это небо? Бушующее мрачное грозное небо, рассекаемое молниями.

Июльское солнце над головой разливается калейдоскопом. Свет слепит. Так жарит, что она

горит. Ласточки. Стайка ласточек мчится, машет крыльями быстро-быстро. Она тоже летит?

— Боже, как красиво... — шепчет Марта.

Что это за запах? Пахнет мятой и апельсинами. Так мягко и комфортно. Щеку щекочет край воротника.

Голова тяжёлая. Она пытается привалиться, найти опору, но соскальзывает, запрокидывается, обнажает шею. Возвращается снова, подхватываемая рукой. Снова воротник, снова щекочет. Ресницы трепещут. Хочется открыть глаза, но не выходит. Спать. Спать. Спать. Но там — тьма.

Она дышит ему в шею. Малфой что-то говорит. Говорит и звучит, как колыбельная. Боже, не дай мне уснуть.

Тянется к небу, но оно так далеко. Недостигаемо. Она падает, проваливается, ускользает. Где мои когти? Темнота сгущается, и не за что ухватиться. НетНетНет. В голове — голос матери. Их гнезда высоко-высоко... И она срывается.

Бездна.

<http://tl.rulate.ru/book/101458/3488338>